

Эпидемия фейков: борьба с коронавирусом как угроза свободе слова

*«Паникеры и трусы должны истребляться на месте»
Приказ Народного комиссара обороны СССР Сталина И.В.
№ 227 от 28.07.1942*

Законы против слухов.....	2
Применение новых норм.....	6
Глобальный контекст	16
Итоги.....	18
Приложение: Таблица.....	24

Доклад, подготовленный **Международной правозащитной группой Агора**, представляет собой обзор практики применения законодательства об ответственности за распространение недостоверной информации, включающего в себя части 9-11 статьи 13.15 КоАП, статей 207.1 и 207.2 УК РФ, а также статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации», и их применение в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Мы считаем, что правоприменительная практика по так называемым «делам о фейках» значительно отличается от предыдущих кампаний массового преследования за слова.

За 450 дней сплошного мониторинга мы зафиксировали более 200 случаев преследования граждан и организаций за распространение информации, которая отличается от официальных пресс-релизов. Среди них лишь 2 факта преследования официальных лиц за распространение информации, опровергнутой впоследствии.

Более 1 100 000 рублей штрафов взыскали суды в связи с обвинениями в распространении дезинформации в административном порядке. При этом как минимум половина обвинительных постановлений вынесена после признания гражданами вины.

Уголовная статья о фейках стала удобным инструментом расправы над публичными критиками властей — 17 из 42 случаев уголовного преследования связаны с высказываниями активистов, журналистов, блогеров и политиков.

В течение двух месяцев действия статьи 207.1 УК РФ уголовные дела по ней возбуждали чаще, чем каждые два дня, включая выходные и праздничные дни.

Доклад состоит из трех основных частей, описывающих текущую ситуацию и предпосылки появления соответствующих норм в российском законодательстве, наиболее примечательные кейсы, а также общемировой контекст.

При подготовке доклада мы использовали результаты собственного постоянного мониторинга, а также публикации Роскомнадзора, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, МВД и иных ведомств, данные ГАС «Правосудие», а также материалы двух десятков дел, находящихся в производстве адвокатов Международной Агоры.

В приложении приводятся результаты мониторинга в виде таблицы с указанием даты, региона и источника информации по каждому известному эпизоду.

Законы против слухов

Российские власти обратили внимание на необходимость контролировать слухи и фейки в 2008 году, когда член Совета Федерации Григорий Нагинский [предложил](#) ввести уголовную ответственность за «распространение ложной информации о чрезвычайных происшествиях и ситуациях». Поводом стали несколько случаев паники из-за сообщений об авариях на объектах атомной энергетики.

В 2004 году на энергоблоке Балаковской АЭС в Саратовской области [сработала](#) аварийная защита из-за разрыва водопроводной трубы. В мае 2007 года юг России [охватила](#) паника из-за распространявшихся сообщений об авариях на Запорожской и Волгодонской атомных станциях. Год спустя уже в Санкт-Петербурге [обсуждали](#) «взрыв и выброс радиоактивных веществ» на Ленинградской АЭС. В отсутствие достоверной информации и убедительных разъяснений властей местные жители начинали массово скупать йод и уезжать подальше от станции, опасаясь радиационного заражения.

В декабре 2009 года по Саратову [распространялись](#) слухи о появлении в регионе «легочной чумы» и предстоящем закрытии всего города для дезинфекции при помощи вертолетов. На фоне памяти о сокрытии властями сведений о [вспышке](#) сибирской язвы в Свердловске в 1979 году жителей Саратова трудно обвинять в излишней недоверчивости властям.

Распространение слухов об инцидентах на АЭС, действительно, иногда влекло опасные последствия. К примеру, в Балаково фиксировали случаи отравления йодом и ожогов гортани у людей, принимавших внутрь спиртовой раствор йода, предназначенный для наружного применения, в надежде защититься от радиации. Однако формальным поводом для принятия первого пакета законов о «фейк-ньюс» в России, вероятно, послужил пранк, не имевший опасных последствий, однако явно разозливший чиновников.

25 марта 2018 года во время тушения крупного пожара в кемеровском торговом центре «Зимняя вишня» неизвестный позвонил в морг и сообщил о необходимости готовиться к принятию 300 тел погибших — запись разговора выложили на YouTube. Вскоре СК России заочно [предъявил](#) обвинения в призывах к терроризму и возбуждении вражды украинскому пранкеру Никите Кувикову, («Евгений Вольнов»). Несоответствие диспозиции ст.205.2 и ст.282 УК РФ фактически содеянному было очевидным, а натяжки обвинения бросались в глаза. За несколько лет до этого подобное же противоречие в деле Pussy Riot послужило поводом для принятия закона об оскорблении чувств верующих.

Первый вариант [законопроекта](#) о контроле за распространением общественно значимых слухов внесли в Госдуму в июле 2017 года. Он, помимо прочего, предусматривал обязанность интернет-сервисов с аудиторией более двух миллионов человек удалять «недостоверную информацию» под угрозой штрафа до 50 млн рублей. Проект закона, однако, дальше первого чтения так и не прошел.

Поводом вновь заговорить о дифференциации ответственности за распространение информации в интернете стала частичная декриминализация ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства).

Упомянутое дело пранкера Кувикова свидетельствует, что власти, очень болезненно реагирующие на любые комментарии, способные поставить под сомнение их эффективность, нуждались в более подходящем инструменте для реакции на публикации — причем не уголовно-правового характера. Таким инструментом [стал](#) пакет законопроектов о «фейковых новостях» и неуважении к власти, внесенный в декабре 2018 года членом Совета Федерации Андреем Клишасом.

Нормы законодательства об административных правонарушениях сопровождались новыми положениями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»,

устанавливающими дополнительные основания для внесудебной блокировки контента силами Роскомнадзора по поручению Генеральной прокуратуры.

Тем не менее — в [отличие](#) от закона о неуважении к власти — закон о фейках вплоть до весны 2020 года практически не применялся: в течение первого года нам удалось отследить лишь 13 дел, связанных с самыми разными вопросами — [анонс](#) митинга, [сообщение](#) о провале грунта, [слухи](#) о загрязнении почвы, [критика](#) муниципальных властей, [публикация](#) о пытках и т.п. Указания о массовом применении новой нормы не было, поэтому она совершенно очевидно использовалась местными властями лишь для решения локальных задач. Все изменилось в марте 2020 года, когда российские власти признали, что стране угрожает эпидемия.

23 марта 2020 года Следственный комитет России опубликовал пресс-релиз о [проверке](#) по факту «распространения недостоверной информации относительно количества заболевших коронавирусной инфекцией в России» по части 1 статьи 237 УК (искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей). Удивительно, поскольку ст.237 УК РФ — одна из самых редко применяющихся норм уголовного закона: к примеру, в 2019 году по ней вынесли всего 2 приговора.

Очевидно, что в отсутствие подходящей статьи в уголовном законодательстве пришлось воспользоваться тем, что подвернулось под руку. Однако массово применять статью, предназначенную для уполномоченных лиц, в отношении простых граждан было нельзя. Спустя три дня председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин [создал](#) специальную рабочую группу для выявления «фактов распространения, в том числе в сети Интернет и мессенджерах, заведомо ложной и непроверенной информации о количестве заболевших коронавирусом (COVID-19) в России, а также иных недостоверных сведений, способствующих паническим настроениям».

На следующий день, 27 марта 2020 года, Правительство России [учредило](#) специальный Коммуникационный центр. Одной из его основных задач стало «выявление и опровержение ложной информации о коронавирусной инфекции, распространение которой может создать угрозу жизни и здоровью людей, привести к росту напряженности в обществе, дестабилизировать социально-экономическую и политическую обстановку в стране». Контроль за информацией об эпидемии стал политическим вопросом.

31 марта — в течение одного дня — Госдума приняла сразу в трех чтениях, а Совет Федерации одобрил пакет «антивирусных» законопроектов об ужесточении ответственности за распространение заведомо ложной и недостоверной информации. На следующий же день новые поправки утвердил президент России Владимир Путин, они сразу были опубликованы и тут же [вступили](#) в законную силу.

К уже существующей ст. 207 УК (заведомо ложное сообщение об акте терроризма) добавили две нормы о публичном распространении заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. За простое распространение информации (ст.207.1) установлено наказание в виде штрафа до 700 тыс. рублей, обязательных или исправительных работ, а также ограничения свободы до трех лет. Если же в результате причинен вред здоровью или смерть (ст.207.2), то наказанием могут быть штраф до 2 млн рублей или лишение свободы на срок до пяти лет.

Одновременно с этим статью 13.15 КоАП дополнили положениями об ответственности юридических лиц за распространение заведомо недостоверной информации — штрафы для организаций достигают 3 млн рублей по формальным основаниям или 5 млн рублей — в случае реального наступления опасных последствий.

Границы составов уголовного и административного правонарушений остаются крайне неопределенными, и складывающаяся практика показывает, что одно и то же деяние может быть непредсказуемо квалифицировано по УК или КоАП.

Кроме того, независимые эксперты отмечали, что новые нормы [идут](#) вразрез с правом на свободу самовыражения и не предусматривают никаких сдерживающих механизмов, ограничений по времени и общественного контроля.

О недостатках юридической техники говорит то, что уже в первый месяц действия законов Верховный Суд России дважды предпринял попытки разъяснить трудности правоприменения. В [первом](#) обзоре коронавирусной судебной практики суд ограничился переформулированием текстов новых норм, разъяснением ранее известных положений о действии законов во времени и отметил криминальный характер распространения дезинформации о COVID-19. Во [втором](#) обзоре высшая судебная инстанция отдельно отметила существование и важность доказывания субъективной стороны деяния в форме прямого умысла, а также установила публичный характер переписки в мессенджерах.

Применение новых норм

Уголовное преследование

Первое уголовное дело по новой статье 207.1 УК [возбудили](#) спустя два дня после подписания и вступления закона в силу по факту размещения в паблике «Новости Сестрорецка» заметки о том, что пациент с диагностированным COVID-19 уехал из поликлиники на общественном транспорте.

Всего по состоянию на 10 июня 2020 года в наш мониторинг попало 42 случая уголовного преследования по ст.207.1 УК РФ в 24 регионах России. По одному из уголовных дел, где подозреваемый сразу же признал вину и отказался защищаться, уже вынесен [приговор](#) с назначением минимально возможного наказания в виде штрафа 300 000 рублей.

Уголовная статья о фейках стала удобным инструментом расправы над публичными критиками властей — 17 из 42 случаев уголовного преследования связаны с высказываниями активистов, журналистов, блогеров и депутатов.

Первое же уголовное дело по новой статье 207.1 УК продемонстрировало политический характер преследования. Следственный комитет привлек в качестве подозреваемой активистку связанного с оппозиционным политиком Алексеем Навальным профсоюза «Альянс врачей» Анну Шушпанову за распространение информации о недостаточных мерах профилактики коронавирусной инфекции.

Журналистка Юлия Латынина стала фигурантом проверочных мероприятий Следственного комитета России в связи с осуществлением профессиональной деятельности — ей вменяется

озвучивание в эфире радиостанции «Эхо Москвы» письма, опубликованного в Telegram от лица медицинских работников.

Позднее стало известно, что заявление в отношении активистов «Альянса врачей» и его руководителя Анастасии Васильевой направлено от имени информационного агентства ФАН. Заявления от ИА ФАН также послужили основанием для проведения проверок по ст.207.1 УК в отношении депутата Валерия Рашкина, политолога Бориса Вишневецкого и оппозиционного политика Леонида Волкова – все за высказывания критики действий властей по борьбе с коронавирусом или официальной статистики.

Уголовные дела возбуждены в связи с публикациями правозащитного проекта «Русь Сидящая» и правозащитника Григория Винтера в связи с публикациями о недостаточных мерах профилактики коронавирусной инфекции среди заключенных. Активист Павел Глущенко, продолжительное время занимавшийся противостоянием с ФСИН, также стал фигурантом уголовного дела после сообщений о злоупотреблениях, приведших к причинению тяжкого вреда и смерти заключенного при подавлении силами специального назначения ФСИН бунта в ангарской колонии.

Уголовные дела в отношении блогера Александра Торна и Александра Пичугина возбуждены после публикации очевидно сатирических постов о происхождении коронавируса и игнорировании его опасности в ходе религиозных мероприятий.

После заявления депутата Госдумы Батора Адучиева началось уголовное преследование известного в Башкортостане оппозиционного активиста Руслана Нуртдинова.

Следственный комитет проводит проверку в отношении журналистки Татьяны Вольтской за публикацию интервью с одним из петербургских врачей, который заявил о недостаточном медицинском оснащении больниц.

Популярный блогер Андрей Тюняев стал фигурантом уголовного дела после выражения мнения о национальном происхождении коронавирусной инфекции.

Дело о распространении дезинформации возбуждено в отношении лидера оппозиционного политического движения «Новый социализм» Николая Платошкина вскоре после заявления о намерении зарегистрировать партию для участия в выборах.

Высказывания на тему адекватности реакции властей на эпидемию коронавируса привели к возбуждению уголовного дела в отношении

оппозиционного блогера Вадима Чельдиева, а его арест в Санкт-Петербурге послужил триггером акции протеста во Владикавказе, что впоследствии вылилось в возбуждение в отношении него ещё ряда уголовных дел. Пытаясь контролировать свободу высказываний, власти спровоцировали недовольства жителей Северной Осетии в виде публичных протестов.

Возможность уголовного преследования за распространение официально не подтвержденной информации была реализована в отношении популярного блогера Владимира Воронцова («Омбудсмен полиции»). Воронцов на протяжении нескольких лет вызывал открытое недовольство руководства Министерства внутренних дел России в связи с публикацией общественно значимой информации от источников внутри ведомства.

Административное преследование

Мы уже отмечали, что статья КоАП об ответственности за распространение недостоверной информации в течение первого года применялась стихийно по различным поводам — преимущественно местного значения. Из 13 известных дел 8 были прекращены судами либо полицией. Однако после начала эпидемии борьба с неофициальной информацией превратилась в общенациональную политическую кампанию — с этого момента единственной темой, интересующей правоохранительные органы, стал коронавирус.

Официальная статистика о количестве дел по отдельным частям ст.13.15 КоАП не публикуется, однако в наш мониторинг попали 170

дел из 53 регионов страны. При этом 157 случаев зафиксированы за три «эпидемических» месяца. Исследовались кейсы, привлечшие внимание общественности, а также все дела, рассмотренные федеральными судами общей юрисдикции по первой инстанции или в ходе рассмотрения апелляционных жалоб на постановления мировых судей.

46 дел завершились вынесением обвинительных постановлений со штрафами на общую сумму более 1 миллиона рублей.

Обращают на себя внимание 9 штрафов, назначенных судами в размере ниже низшего предела санкции (15-20 тысяч рублей), а также самые крупные штрафы: 75 тысяч рублей Вадиму Чельдиеву за видеозапись с отрицательной оценкой опасности коронавируса; 60 тысяч рублей Евгению Гнеушеву — главному редактору Информационного агентства «Момент Истины» — за публикацию в YouTube-канале издания видеозаписи с выступлением публициста Андрея Караулова, 60 тысяч рублей главному редактору издания ProUfu Тимуре Алмаеву за публикацию комментария пресс-секретаря городской администрации, который впоследствии сослался на неофициальный характер своего мнения и 60 тысяч рублей мужчине из Республики Алтай — за сообщение о приезде в его село из Барнаула зараженной коронавирусом женщины.

По 12 делам суды прекратили производство в связи с отсутствием события или состава правонарушения.

В 8 случаях после начала проверки сомнительного сообщения в социальной сети или на сайте СМИ полиция или Роскомнадзор от преследования отказались самостоятельно. Одно дело с ложным сообщением о подтверждении коронавируса у одного из пациентов местной больницы в Северной Осетии прекратили с вынесением устного замечания.

В остальных случаях процессы и обжалования продолжаются.

Вызывают определенный интерес как минимум 12 дел, связанных с осуществлением сотрудниками Центров по противодействию экстремизму контроля за голосовыми сообщениями в родительских и районных группах в мессенджерах.

Критической оценки заслуживает наметившийся повышенный контроль со стороны силовых структур за размещением публикаций на сайтах СМИ.

Описание кейсов

В производстве адвокатов Агоры на момент написания настоящего исследования находились 14 дел об административном преследовании по обвинению в распространении недостоверной информации.

Дело активиста челябинского движения СтопГОК Сергея Белогорохова рассматривается с октября 2019 года. Основанием для преследования стал пост в социальной сети, что, по его мнению, причиной провалов в асфальте в поселке Роза стали взрывы, которые осуществляло предприятие «Томинский ГОК». Дело находится на стадии апелляционного обжалования.

Публикация заявления доктора Всеволода Шурхая о нехватке средств защиты и профилактики в крупной московской клинике привела к преследованию в отношении него самого. Впоследствии оно было прекращено.

Депутат Самарского регионального парламента Михаил Матвеев, через Twitter обратившийся к губернатору и руководству полиции региона с требованием проверки сообщений о ненадлежащем реагировании на подтвержденные случаи коронавируса, стал фигурантом сразу двух дел о фейках по жалобам чиновников. Одно из дел прекращено при участии автора настоящего доклада, второе находится в процессе рассмотрения апелляционной жалобы.

Активист партии «Яблоко» в Пскове Николай Кузьмин опубликовал в социальной сети пост, что от врачей узнал о нехватке аппаратов ИВЛ и специалистов в местной инфекционной больнице. В отношении Кузьмина возбудили дело о дезинформации. Впоследствии

аналогичное дело было также [возбуждено](#) в отношении руководства региона — по подозрению в распространении фейковой информации. Коломенскому активисту Вячеславу Егорову, выступающему против строительства мусорного полигона «Воловичи», предъявлено [обвинение](#) в распространении фейков за публикацию поста с одним лишь предположением, что многие граждане уже переболели коронавирусом.

Роскомнадзор [прекратил](#) преследование красноярского телеканала ТВК и его главного редактора Марии Бухтуевой по обвинению в распространении фейков за сюжет об отрицающих существование коронавируса гражданах. В городе Железногорск Красноярского края в отношении телекомпании Канал-12 и её главного редактора Роскомнадзор проводит проверки в связи с сюжетом, где журналист рассуждает на тему, может ли коронавирусная инфекция распространяться через внутридомовую вентиляцию.

Курскую зоозащитницу Екатерину Бильбао [привлекли](#) к ответственности по обвинению в дезинформации за предложение помочь местной больнице. Постановление обжаловано.

Самый крупный в стране штраф в размере 75 000 рублей [назначили](#) оппозиционному блогеру из Северной Осетии Вадиму Чельдиеву в связи с обвинением в распространении информации о необходимости участия в акциях протеста и критическом отношении к коронавирусу. Постановление обжаловано.

Нижегородская журналистка Ирина Славина подвергается преследованию в связи с размещением на сайте СМИ информации о подтвержденном случае заболевания коронавирусной инфекцией.

Отказы судов от привлечения к ответственности

Интересен случай [прекращения](#) административного дела о распространении фейковой новости в связи с малозначительностью деяния. Суд учел, что в сообщении содержался призыв к соблюдению требований самоизоляции, и посчитал, что действия по распространению сообщения, несмотря на наличие состава вменяемого административного правонарушения, не причинили вред общественно-охраняемым интересам.

Анализ прекращенных судами дел дал возможность оценить основания для принятия таких судебных актов. В частности, отказывая полиции в привлечении к ответственности граждан за фейковые новости, суды указывали на:

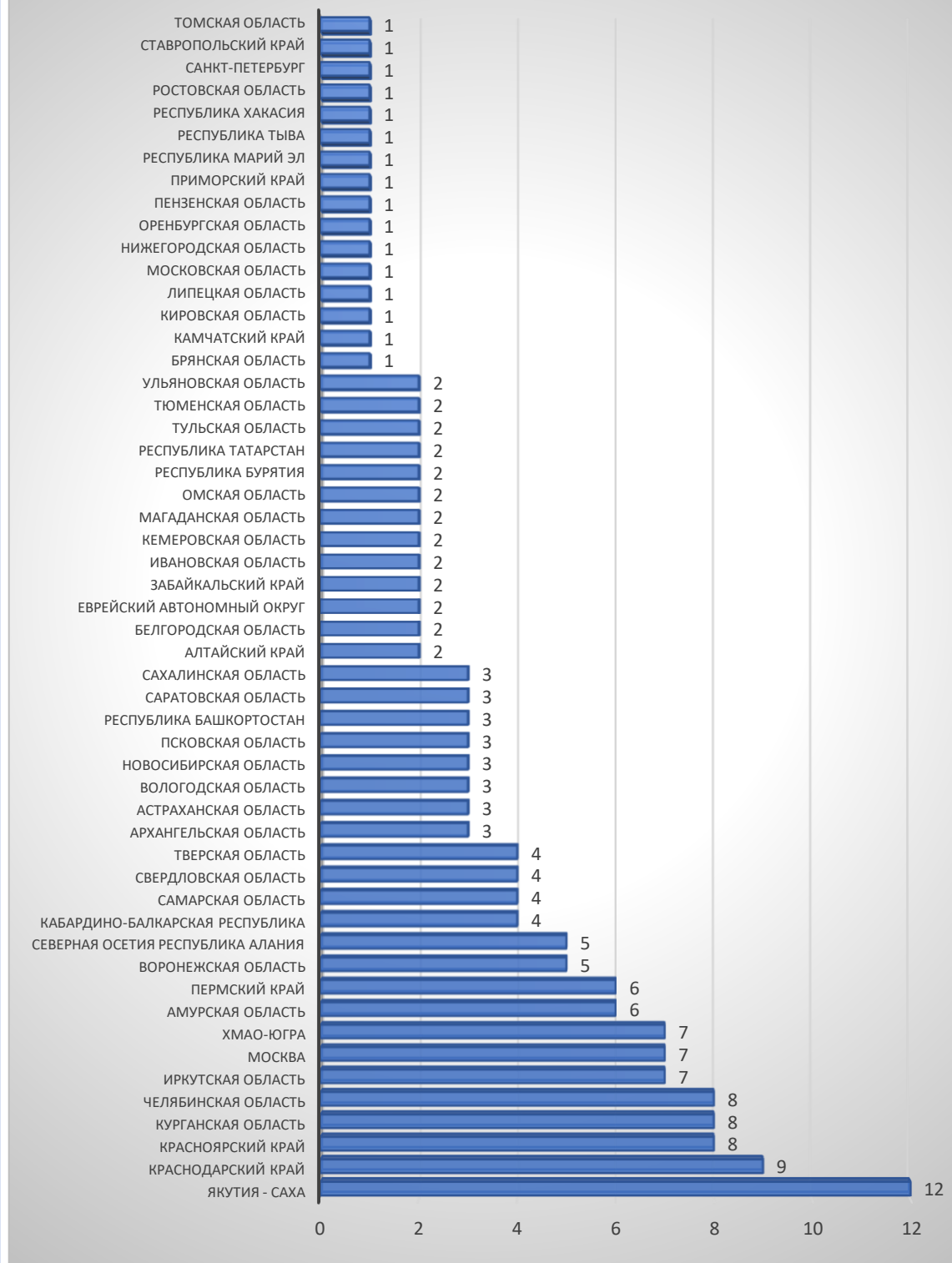
- отсутствие указания на то, в чем выражено создание угрозы причинения общественно вредных последствий;
- отсутствие доказательств общественной значимости распространяемой информации;
- отсутствие доказательств заведомой недостоверности информации для привлекаемого лица;
- отсутствие доказательств прямого умысла, направленного на распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации.

В частности, суды использовали следующие формулировки: *«Если гражданин уверен в том, что сведения, которые он распространяет, содержат правдивые данные, хотя на самом деле они недостоверные, он не может нести ответственность по ч.9 ст.13.15 КоАП РФ».*

Прекращая производство по делам о фейках, суды также указывают, что *«любой человек имеет право на собственное мнение относительно любых происходящих в его жизни событий, даже если такое мнение объективно не соответствует действительности или же такое мнение не соответствует какой-либо другой точке зрения на происходящие события, в том числе и точке зрения органов власти и их должностных лиц на такие события. Более того, любой человек вправе распространять свое мнение и идеи среди других лиц, соблюдая при этом установленные ограничения, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

Отдельно отмечалось, что *«призывы лица о неисполнении распоряжений органов государственной власти, адресованные к должностным лицам этих органов, не образуют в действиях такого лица состав административного правонарушения, предусмотренного частью 9 статьи 13.15 КоАП РФ».*

Дела по ч.9 ст.13.15 КоАП РФ

Интернет-цензура

29 ноября 2019 года Роскомнадзор впервые опубликовал список ресурсов, которые дважды или чаще упоминались в направленных в РКН решениях Генеральной прокуратуры об удалении недостоверной

информации. Первоначальная публикация списка была сопряжена со скандалом, в ходе которого портал РБК под угрозой судебного иска [потребовал](#) уже от самого Роскомнадзора исключить из своего сайта недостоверные сведения о якобы имевшихся претензиях Генеральной прокуратуры. Обновление списка довольно быстро прекратилось. Последнее изменение «черного списка» на [сайте](#) ведомства отмечено 20 января 2020 года. С тех пор в нём находится 27 ресурсов: как частных страниц в социальных сетях, так и популярных пабликов.

18 марта 2020 года Роскомнадзор [предупредил](#) СМИ о своем намерении применять «самые жесткие меры вплоть до полного и немедленного ограничения доступа к соответствующим информационным ресурсам и лишения лицензий» за публикацию недостоверной информации, а спустя две недели [отчитался](#) об удалении 405 интернет-страниц по распоряжениям Генеральной прокуратуры, отметив также, что ведомство требует от YouTube ускорить удаление «ложной информации».

Проблемы правоприменения

Несмотря на то, что диспозиция части 9 статьи 13.15 КоАП содержит понятия, не имеющие легального определения, а требующие специальных познаний в области лингвистики, суды зачастую не обращают на это внимания, уклоняются от необходимости привлечения к участию в деле специалистов и принимают полномочия экспертов на себя.

В частности, судами даётся оценка таким понятиям, как заведомость и недостоверность, суды без лингвиста берут на себя право определять речевую направленность высказывания на распространение информации под видом достоверной ([дело](#) депутата Самарской Губернской Думы Михаила Матвеева — лишь один из примеров).

Очевидно, что для полного и всестороннего рассмотрения дел, связанных с распространением информации, требуется лингвистическая экспертиза, проведение которой возможно лишь в условиях административного расследования. Таким образом, в силу положений ст.23.1 КоАП РФ такие материалы должны попадать на рассмотрение федеральных судов общей юрисдикции (районных судов). Однако статистика районных судов показывает массовую передачу материалов о фейках без лингвистических исследований в мировые суды (34 кейса). Это может также свидетельствовать о низкой квалификации сотрудников МВД, в том числе начальствующего состава, визирующего собранный материал перед передачей в суд.

Суды при вынесении постановлений зачастую уклоняются от оценки таких элементов состава административного правонарушения, как **заведомый характер** недостоверности распространяемой информации для распространителя, а также **наличие прямого умысла** на введение в заблуждение иных лиц. На важность правильной оценки этих элементов отдельно обратил внимание даже Верховный Суд.

Из 46 исследованных обвинительных постановлений минимум 23 основаны на признании вины в качестве *regina probationum* (царица доказательств). Так, при наличии признания вины суды уклоняются от установления и оценки иных элементов состава правонарушения, формально перечисляя их в постановлении.

Особую тревогу вызывает практика организации в отделах полиции видеозаписи извинений авторов высказываний. Граждане, находясь во власти сотрудников полиции, в отсутствие квалифицированного защитника, вне предусмотренной процедуры ознакомления с предоставленными им законом правами на защиту формируют доказательство против себя. При этом очевидно нарушаются статьи 29 (право не высказываться) и 51 (право на отказ от показаний против себя) Конституции РФ. Более того, сотрудники правоохранительных органов официально распространяют полученные в нарушение закона видеозаписи, причиняя не ограниченный во времени вред репутации всей семьи или общественной организации лица, поддавшегося на предложение сделать видеозапись.

Суды первой инстанции зачастую не уделяют внимания оценке общественной значимости информации и наличию доказательств реальной угрозы наступления общественно вредных последствий. Так, суды указывают: *«Комментарии к публикации указывают, что ее содержание многими воспринято как достоверные сведения, вызвало как негативную оценку деятельности сотрудников полиции, так и отдельные предложения о необходимости проведения несанкционированных массовых протестов, т.е. массового нарушение общественного порядка».*

Глобальный контекст

В 2017 году составители толкового словаря английского языка Collins [объявили](#) словом года *fake news*, которому они дали определение «ложная, часто сенсационная информация, распространяемая под видом новостных сообщений».

При этом нельзя сказать, что ложь как инструмент глобальной политики не использовался раньше — достаточно вспомнить утверждения американской администрации о разработке оружия массового поражения режимом Саддама Хуссейна как [предлоге](#) для вторжения в Ирак в 2003 году или многочисленные [публикации](#) в провластных российских медиа на тему «рейса МН17».

Поводов было достаточно, однако в мировую повестку тема фейков вошла в связи с обвинениями России во вмешательстве в американские выборы 2016 года, когда неожиданно выяснилось, что перед массовыми кампаниями дезинформации особенно уязвимы именно страны с высокими стандартами свободы слова и вековыми традициями не ограничивать право на политическое высказывание. Именно тогда во многих странах приняли первые законы о фейк-ньюс, с тех пор тема дезинформации никогда полностью не уходила из публичного дискурса.

Новый стимул она получила благодаря коронавирусу, многие правительства [начали](#) оперативно вводить или ужесточать ответственность за распространение недостоверной информации. Несмотря на угрозу, чрезвычайный характер принимаемых мер вызвал неоднозначную реакцию и протесты.

«Коронавирусное» правотворчество не ускользнуло от внимания международных институтов и неправительственных правозащитных организаций. По поводу возможных ограничений свободы выражения мнения в связи с распространением «ложной информации» высказывались Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет, Специальные докладчики ООН по свободе мирных собраний и ассоциаций и по свободе выражения мнений Клеман Вуль и Дэвид Кей, Комиссар Совета Европы по правам человека Дунья Миятович, представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ Арлем Дезир, Актинль 19.

Глобальный кризис, с которым столкнулся мир, требует эффективных мер по защите жизни и здоровья людей. Такие меры могут включать и борьбу с дезинформацией, провоцирующей панику и социальные волнения. Однако такие меры должны быть законными, соразмерными и эффективными, не нарушать свободу прессы и право на выражение мнения. Между тем некоторые правительства используют пандемию в качестве предлога для непропорционального ограничения фундаментальных прав человека и подавления оппозиции, а вводимые меры дают государственным служащим монополию на оценку правдивости распространяемой информации.

IT против дезинформации

Социальные сети на протяжении последних лет вынуждены внедрять различные протоколы борьбы с дезинформацией. К примеру, Facebook еще в 2015 году [сообщал](#) об изменении политики показа сообщений в ленте, чтобы уменьшить число «мистификаций» (hoaxes).

16 марта 2020 года Facebook, Google, LinkedIn, Microsoft, Reddit, Twitter и YouTube объявили о совместной борьбе с дезинформацией о коронавирусе. Стратегия в целом сводится к удалению явно опасной информации, противоречащей авторитетным источникам, а также маркировке сомнительного контента.

Facebook вскоре [объявил](#), что будет безоговорочно удалять связанную с COVID-19 дезинформацию, которая способна причинить «неизбежный физический ущерб», а прочую сомнительную информацию, включая теории заговора, будет проверять команда фактчекеров. В результате в марте-апреле 90 млн сообщений были маркированы предупреждающими метками, а 95% пользователей, увидевших маркировку, не стали проходить по ссылкам.

Аналогичные меры принял Twitter, [изменив](#) политику рассмотрения жалобы на неподобающий контент, расширив применение автоматизированных технологий и машинного обучения для оценки потенциально опасной информации, уточнив понятия вреда и дезинформации для контента, который расходится с авторитетными источниками или противоречит глобальной и местной информации, исходящей от организаций общественного здравоохранения, а также введя систему меток и предупреждающих сообщений для маркировки вводящих в заблуждение и спорных данных о коронавирусе.

«ВКонтакте» запустил специальный раздел с официальной информацией о коронавирусе, однако не стал изменять правила пользования сервисом. Тем не менее, судя по отчетам компании, она активно модерирует ленты — в марте-апреле соцсеть удалила 800 тыс. записей и объявила о начале постоянного мониторинга опасного контента. Однако в отсутствие развернутых и регулярных отчетов о прозрачности проверить обоснованность и соразмерность вмешательства невозможно.

Итоги

В 2019 году власти не удержались от [соблазна](#) попытаться скорректировать информационное поле, наказывая пользователей за

критику действий и высказываний официальных лиц под предлогом борьбы с фейками, пользуясь высокой скоростью и низкими стандартами доказывания, характерными для производства по делам об административных правонарушениях.

Связка Роскомнадзора и Генеральной прокуратуры, управляющая конвейером цензуры, приняла на себя полномочия по внесудебной и непубличной оценке достоверности материалов как частных лиц, так и средств массовой информации. «Министерство правды» в лучшем случае постфактум информирует общество о принятых мерах — назначенном штрафе, возбужденном деле или заблокированном интернет-ресурсе, при этом никаких реальных механизмов оперативно проверить законность и обоснованность решения о запрете информации нет.

Ложной объявляется любая информация, не совпадающая с текущей официальной позицией, которая — в свою очередь — может стремительно меняться. Безопасность не гарантирует даже последующее подтверждение распространенной информации: МВД Кемеровской области [объявляло](#) фейком сообщение о наказаниях за отсутствие маски за несколько дней до [введения](#) в некоторых районах области «масочного» режима. Роскомнадзор по требованию Генеральной прокуратуры [блокировал](#) сообщения о пропускном режиме в Москве за сутки до того, как московский мэр Сергей Собянин [подписал](#) указ о введении цифровых пропусков.

Особенное внимание привлекает интернет, прежде всего — социальные сети, уровень доверия к которым, по [данным](#) Левада-центра, за 10 лет вырос в пять раз. Для сравнения — доверие к телевидению, как контролируемому властями каналу доставки информации, наоборот — уменьшилось в полтора раза.

При этом впервые в фокусе самой массовой кампании преследования за слова со времен расцвета антиэкстремизма оказались не представители субкультур и гражданские активисты, а тот самый «глубинный народ», умение слышать и понимать который [называлось](#) главным достоинством государства Владимира Путина.

Благодатной почвой для массового распространения слухов служит целый ряд распространенных стереотипов: во-первых, «от властей можно ожидать самого страшного», во-вторых, «власти всегда скрывают самое страшное», в-третьих, «то, что власти яростно отрицают, очевидно и является правдой».

Советское и российское государство имеет богатую историю фальсификаций и дезинформации. Соккрытие обстоятельств аварии в

[Чернобыле](#), [нестыковки](#) в результатах расследования катастрофы подводной лодки «Курск», ссылки официальных лиц на «[План Даллеса](#)» и [доказательства](#) «подвига 28 панфиловцев», распространение «Первым каналом» сюжета о «[распятом мальчике](#) в Славянске» и [позиция](#) властей по взрыву на полигоне в Нёноксе Архангельской области постоянно убеждает граждан в необходимости особенно критического отношения к любой официально распространяемой информации.

Не имея возможности преодолеть недоверие, власти пытаются угрозой больших штрафов и уголовного преследования запугать тех, кто пытается публично сомневаться.

Обращает на себя внимание расположение новых уголовных статей о распространении фейков (ст.ст. 207.1 и 207.2) между терроризмом (ст.205), захватом заложника (ст.206), составами и организацией незаконного вооруженного формирования (ст.208). Подобное позиционирование косвенно подтверждает чувствительность этих деяний, создает ощущение их большой общественной опасности, расценивая сообщение в чате WhatsApp как угрозу национальной безопасности.

С началом эпидемии государство открыто провозгласило монополию на правду (которой пользовалось и раньше, но не столь явно). Отныне информация, исходящая от уполномоченных должностных лиц, презюмируется достоверной и законной. Напротив, любая неофициальная общественно значимая информация считается нелегальной до тех пор, пока не подтверждена государством. И чем более значима эта информация, тем выше риски для того, кто ее распространяет.

Для самих же должностных лиц угроза привлечения по закону о недоверии к власти практически исключена, поскольку, во-первых, они *ex officio* не могут распространить заведомо ложную информацию по общественно значимым вопросам. А во-вторых, в случае их злоупотреблений должны будут применяться специальные составы для должностных лиц — ст. ст. 285 и 286 УК РФ. Показательно, что количество оправдательных приговоров по ст. 286 УК РФ почти в десять раз выше среднестатистического уровня. Несмотря на массу случаев распространения недостоверной информации властями, известно только о двух проверках в отношении чиновников ([ЮГРА](#) и [Псков](#)). Сведений о привлечении официальных лиц к ответственности за фейковую информацию нет.

14 мая мэр Москвы Сергей Собянин в эфире федерального телеканала [усомнился](#) в достоверности официальных статистических данных о числе инфицированных жителей Москвы — количество зараженных, по словам градоначальника, может быть значительно больше официальных цифр.

16 мая с открытой критикой официальных данных о заболеваемости COVID-19 [выступил](#) министр здравоохранения Дагестана Джамалудин Гаджиibraгимов.

21 мая член Общественной наблюдательной комиссии Москвы Ева Меркачева сообщила, что, по ее данным, в московских СИЗО «насчитывается не менее 50 заключенных, которые заразились коронавирусом» — в восемь раз больше, чем по официальной информации. В тот же день Управление ФСИН по Москве [выпустило](#) официальное опровержение, однако — как и в прочих перечисленных выше случаях — никакой реакции правоохранительных органов не последовало.

Таким образом, имея в руках инструмент преследования граждан за распространение фейков и иммунитет от подобных обвинений в свой адрес, власти получают легальную информационную монополию. Тем более опасную, что, даже согласно официальным данным, каждый второй житель страны не может отличить достоверные новости от фейков, о чём [заявил](#) гендиректор ВЦИОМ Валерий Федоров летом 2019 года.

Взрывной рост числа дел о фейках и анализ материалов доступных дел свидетельствует о политическом характере кампании в целом. И если декларируемые намерения властей бороться с распространяемой злоумышленниками ложной информацией и предотвращать панику носят в целом правомерный характер заботы об общественном благе, то способ реализации их на практике напоминает анекдот, как из случайного набора деталей у советского инженера всегда получается автомат Калашникова.

Режим «повышенной ответственности» за распространяемую ложную информацию должен быть ограничен как во времени, так и в пространстве (например, при объявлении чрезвычайной ситуации, но даже в этом случае — не в уголовном, а в административном порядке). Даже знаменитый сталинский приказ №227 об истреблении паникеров действовал лишь в условиях войны — в отличие от статьи российского Уголовного кодекса о фейках, применение которой происходит в «мирное время» без объявления чрезвычайной ситуации и даже в

условиях официально объявленной победы над инфекцией и снятия ограничений.

Распространение недостоверной и опасной информации («за слова», создающие угрозу жизни и безопасности граждан или наступление иных тяжких последствий) в России уже многократно и избыточно криминализировано. Так, уже предусмотрены значительные санкции, часто включающие лишение свободы, за призывы к массовым беспорядкам (ч.3 ст.212 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.207 УК РФ), распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст.128.1 УК РФ), оправдание терроризма (ст.205.2 УК РФ), публичные призывы к экстремистской деятельности (ст.280 УК РФ) и к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России (ст. 280.1 УК РФ), возбуждение ненависти или вражды (ст.282 УК РФ) и реабилитацию нацизма (ст.354.1 УК РФ).

Таким образом, оснований для уголовного преследования за выражение мнений уже более чем достаточно, и создание новой нормы с такой неограниченно широкой диспозицией представляется явно избыточным.

По сути, в законодательство введена общая норма об уголовной ответственности за распространение любой ложной информации, что создает широкие возможности для злоупотреблений.

Решить задачу реального ограничения распространения недостоверной информации можно значительно эффективнее на уровне интернет-сервисов, блокируя и маркируя соответствующие сообщения с использованием современных технологий, включая искусственный интеллект. Преследование аудитории родительских чатов в эпоху социальных сетей выглядит явным анахронизмом.

С точки зрения мировых стандартов свободы высказывания распространение ложной информации требует полной декриминализации. Однако в нынешних условиях очевидно, что на такой радикальный шаг российское общество рассчитывать не может. А потому в настоящее время мы рекомендуем прямо ограничить применение уголовных санкций за ложную информацию периодом чрезвычайных ситуаций, указанных в примечании к статье 207.1 УК РФ.

Разумным компромиссом представляется введение административной преюдиции по таким делам — аналогично делам о возбуждении вражды, мелком хищении и т.п. При однократном распространении общественно значимой заведомо ложной

информации предполагать административную ответственность по частям 9-10 ст.13.15 КоАП. И только в случае повторности — уголовную ответственность по соответствующим статьям УК.

Судя по тексту пунктов 8-11 статьи 33.5 [проекта](#) новой редакции Кодекса об административных правонарушениях, ожидать исключения или значимого изменения диспозиции нормы об административной ответственности за распространение непроверенной общественно значимой информации пока не приходится. Но выявленные в ходе анализа проблемы применения законов о преследовании за сомнительные сведения не являются фатальными и могут быть устранены уже сейчас. Минимальный набор рекомендаций можно обозначить следующим образом.

Рекомендации

- Сформулировать критерии оценки достоверности и общественной значимости информации, исключив возможность проверки на соответствие действительности мнений и оценочных суждений.
- Отказаться от презумпции достоверности исключительно официальной информации и признать возможность совершения ошибок государственными структурами.
- Исключить ответственность за неумышленное распространение недостоверной информации.
- Поощрять усилия интернет-компаний по «мягкому» предотвращению распространения недостоверной информации на основе четко сформулированных и доступных правил, в том числе путем маркировки сомнительного контента и предоставления доступа к данным из авторитетных и признанных научным и академическим сообществом источников.
- Смягчить санкции, уменьшив размеры штрафов, а также отказаться от лишения свободы в качестве наказания за распространение недостоверной информации.
- Исключить из УК и КоАП формальные правонарушения (части 9 и 10.1 статьи 13.15 КоАП РФ, статью 207.1 УК РФ), дополнительно разъяснив судам необходимость установления причинно-следственной связи между публикацией недостоверных сведений и фактически наступившими опасными последствиями.
- В перспективе полностью исключить уголовную ответственность за публичное распространение недостоверной информации вне

периода чрезвычайных ситуаций либо ввести по таким составам административную преюдицию.

Приложение: Таблица

Страница 1. Кейсы, связанные с преследованием по обвинению в умышленной дезинформации в уголовном порядке.

Страница 2. Кейсы, связанные с преследованием по обвинению в умышленной дезинформации в административном порядке.

Станислав СЕЛЕЗНЕВ
адвокат,
Международная Агора